УДК 811.161.1

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РУССКОГО РЕЧЕВОГО ИДЕАЛА

Мулатова Н.А.

ГОУ ВПО «Ростовский государственный медицинский университет Минздравсоцразвития России», Ростов-на-Дону, e-mail mulatova.natalia@gmail.com

В статье рассматривается проблема русского речевого идеала, характеризуется его современное состояние в сравнении с Православной культурой русского народа.

Ключевые слова: русский речевой идеал, трансформация, духовные ценности, ценность культуры, православное сознание, русская культура, сотериологическое сознание

HISTORICAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN SPEECH MODEL

Mulatova N.A.

Rostov State Medical University Ministry of Russia, Rostov-on-Don, e-mail: mulatova.natalia@gmail.com

In the article Russian speech model problem is considered, its modern condition in characterized in comparison with Orthodox culture of Russian people.

Keywords: Russian speech model, transformation, spiritual values, culture values, Orthodox consciousness, Russian culture, soteriological consciousness

Так случилось в настоящий момент ввиду происходящих в последнее время событий, что в центре внимания общественности встал вопрос о восточной цивилизации и русском мире как составляющей части этой цивилизации. Ни для кого не является секретом, что необходимость осознания народом собственной идентичности является непременным условием его духовного здоровья, целостности, внутренней зрелости и дальнейшего успешного развития. Вот почему нам кажется, что настало время обратить наши взоры на такое явление, как речевая культура нашего народа, в котором, как в капле воды, отразился русский дух и без которого русская цивилизация просто не мыслится.

Для того, чтобы разобраться в данном вопросе, доверимся мнению великого Федора Михайловича Достоевского, познавшего русскую душу как никто иной: «Русский народ весь в Православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет – да и не надо, потому что Православие все. Православие есть церковь, а церковь – увенчание здания и уже навеки. … Кто не понимает Православия – тот никогда и ничего не поймет в народе. Мало того; тот не может и любить русского народа, а будет любить его лишь таким, каким бы желал его видеть». Позиция Достоевского раскрывается в монографии М.М. Дунаева «Православие и русская литература»: «Он был убежден и многажды высказывал мысль, что все народные начала у нас сплошь вышли из православия. Достоевский отождествлял ведь понятия русский и православный. Даже в чрезмерности записал однажды: «Что православное, то русское.» И славянский вопрос осмыслял через Православие. В славянском вопросе не славянство, не славизм сущность, а Православие» [1, с.429].

Вот почему вслед за Федром Михайловичем и мы постараемся рассмотреть вопрос о русской речевой культуре сквозь призму православного миропонимания. И прежде всего нам предстоит определить рамки этого направления, для чего необходимо усвоить мысль о том, что конфессиональное разделение христианства на православие и католичество не было лишь только узко религиозным вопросом, но носило глобальный характер, определяющий в конечном итоге два противоположных типа культуры, проявляющихся и в настоящий момент в сознании, привычках, укладе жизни, психических особенностях целых народов. Культурологи выделяют сотериологический и эвдемонический типы культуры. Первый нацелен на добывание сокровищ небесных, являющихся производной от сияния внутренней чистоты души; второй строит царствие небесное на земле, упорядочивает течение жизни таким образом, чтобы она была счастливой, больше ориентируясь на внешнее действие и его резудьтаты, чем на мотивацию поступка и сопутствующие страстные состояния души, которые могут быть вызваны внешними факторами. Именно сосредоточенность на внутренне осознанном и четко выраженном стремлении к святости, которая понималась, в первую очередь, как способность видеть свои несовершенства (грехи), ненавидеть их в себе

и далее стремиться к полному внутреннему перерождению в соответствии с действием духовных законов, сформулированных в Евангелии и объясненных святыми отцами, и определяла особенности общего строя жизни Руси после крещения и особенно ее речевого идеала, который сформировался исключительно под воздействием русского религиозного сознания.

Все христианские добродетели нашли свое отражение в нем. Изначально предполагалось, что говорящий в свое время даст отчет перед Творцом либо за каждое слово, сорвавшееся с уст, либо за каждую мысль, принятую в сознание. Поэтому в момент проговаривания человек не может быть расслабленным, он должен постоянно проверять себя на предмет того, соответствует ли его высказывание представлению о добре, которое понималось не как субъективный момент, не как зона действия закона «У каждого своя правда», доведенного до абсурда принципами современного либерального сознания, выплеснувшимися в требования толерантного отношения к партнерам; но как понятие объективное, внесенное в наш мир Тем, кто его сотворил, рождающее поток любви и милосердия к ближнему в евангельском значении этого слова. Заметим мимоходом, что разница между русским пониманием любви и милосердия и западноевропейским пониманием толерантности заключается в том, что русские всегда любили грешника, но ненавидели грех, а европейцы ровно и сдержанно относясь к грешнику, принимали и одобряли, оправдывали его грех. Интересный факт: во всем Священном Писании всего 12 раз употребляется слово «счастье», которое может быть девизом западной цивилизации, и более 800 раз слово «радость», выражающее православное мировосприятие. Как видим, приоритеты обозначены.

В момент речевого высказывания следовало проявлять смирение как главную христианскую добродетель, кротость, милосердие по отношению к собеседнику, любовь. Нарушения в речи не на формальном (лингвистическом) уровне, но на уровне содержательном воспринимались как грех, а потому недопустимы были ложь и клевета, всякое страстное слово, сказанное во гневе или раздражении. Споры не одобрялись, так как в момент спора говорящий занимает крайнюю позицию, обособляясь от собеседника, что противоречит идее соборности, единства во Христе, братства. Поучать другого, если он не просит об этом, невозможно, ибо это проявление гордости и несмирения. Спрашивающему нужно отвечать точно на поставленный вопрос, чтобы не впасть во грех пустословия. Победа в возможном споре не была целью выступления (вспомним бессмертное пушкинское «без притязанья на успех»), она могла прилагаться, но главным было ощущать себя в присутствии Божием, не погрешать словом. Не было принято делать комплименты, чтобы не ввести своего собеседника во грех, возбудив в его душе тщеславие от услышанной похвалы. Не случайно и сейчас еще многие русские женщины, не умея принимать слова одобрения, высказанные в их адрес, , искренне смущаются. Мысль о том, что слова говорятся на земле, а слышатся на небесах, уберегала от тщеславия. Из всего этого вытекала внутренняя потребность немногословия.

Поскольку речевой идеал Руси и особенно того периода, который мы именуем святым, продолжает осуществляться и в настоящий момент в речи наших современников, являющихся верующими людьми, мы считаем возможным привести цитату из трудов игумена Никона (Воробьева), скончавшегося в 1963 году. Отец Никон руководил внутренней жизнью своих духовных чад, направляя им письменные послания, благодаря чему и мы имеем великолепную возможность прикоснуться к бесценному опыту, сосредоточенному в этих письмах. «Люди слишком немощны и самолюбивы, надо щадить их … Будь мудр. Товарищей также не учи, а если кто спросит о чем-либо, то честно отвечай так, как ты считаешь истинным, но решительно отказывайся судить, а тем более осуждать кого-либо, особенно начальство или педагогов. Это заповедь Евангелия» [2, с.95]. «Не командуй никем и никогда. Не учи других, коль сама себя не научила ничему» [2, с.101]. «Не груби никому … можешь высказать свое мнение, но не настаивай очень» [2, с. 110]. «Никогда не делайте, не говорите, не советуйте никому, если не просят» [2, с. 150].

В любой ситуации предпочтение отдавалось молчанию, слушанию перед говорением: «Ничто так не содействует стяжанию внутреннего мира, как молчание и, сколько возможно, непрестанная беседа с собою и редкая с другими.» (преподобный Серафим Саровский). Преподобный Никодим Святогорец в своем известнейшем творении об основах духовной жизни «Невидимая брань», в главе под названием «Как управлять языком», пишет: «Добрые чувства молчаливы. Излияния чрез слова ищут более чувства эгоистические, чтоб высказать то, что дьстит нашему самолюбию и что может выказать нас, как нам мнится, с лучшей стороны. Многословие в больших случаях происходит от некоего горделивого

самомнения, по коему, воображая, что мы слишком многосведущи и что наше мнение о предмете речи самое удовлетворительное, неудержимое испытываем понуждение высказаться и обильной речью с многократными повторениями напечатлеть то же мнение и в сердцах других, таким образом навязываясь им в учители непрошеные и мечтая иметь иной раз учениками такие лица, которые понимают дело гораздо лучше учителя» [4, с.150].

Последствия же многоречивости расшатывают основание духовной жизни: «Наибольшей же частью многоречие однозначительно с пусторечием, и в таком случае нет слов к полному изображению зол, происходящих от сего дурного навыка. И вообще, многословие отворяет двери души, чрез кои тотчас выходит сердечная теплота благоговеинства, тем паче это делает пустословвие. Многословие отвлекает внимание от себя, и в сердце, таким образом не блюдомое, начинают прокрадываться обычные страстные сочувствия и желания, и иногда с таким успехом, что, когда кончится пусторечие, в сердце окажется не только соизволение, но и решение на страстные дела. Пусторечие есть дверь к осуждению и клеветам, разносительница ложных вестей и мнений, сеятельница разногласий и раздоров. Оно подавляет вкус к умственным трудам и всегда почти служит прикрытием отсутствия основательного ведения. После многословия, когда пройдет чад самодовольства, всегда остается некое чувство тоскливости и разленения» [4, с.151].

Надо отметить, что наставления Никодима Святогорца, детально регламентировавшего речевые правила и нормы ведения беседы, во много влияли на формирование русской речевой культуры. «Не рапространяйся в долгих собеседованиях с тем, кто слушает тебя не с добрым сердцем, чтобы, надокучив ему, не сделать себя для него мерзостным, как написано: умножай словеса, мерзок будет (Сир. 20, 8). Остерегайся говорить сурово и высокотонно, ибо то и другое крайне ненавистно и заставляет заподозрить, что ты очень суетен и слишком много о себе думаешь. Никогда не говори о себе самом, о своих делах или о своих родных, исключая случаев, когда это необходимо, но и при этом говори, как можно короче и скорее» [4, с.152]. «О чем знаешь верно, что оно истинно или ложно и что оно очевидно само собой, о том с решительностью говори, как об истинном, или как о ложном, или как об очевидном; о том, что сомнительно, лучше не говори ничего, а когда и нужда, говори как о сомнительном, не предрешая; о неизвестном же тебе совсем не говори… Есть у нас пять приемов или оборотов речи: звательный, когда кого призываем; вопросительный, когда спрашиваем; желательный или просительный, когда желаем или просим; определительный, когда решительное о чем выражаем мнение; и повелительный, когда начальственно и властно повелеваем. Из этих пяти первые три употребляй всегда свободно, четвертый – пореже, как можно, а пятого совсем не касайся» [4, с. 152]. «Когда нужно тебе говорить, наперед добре рассуди о том, то высказать всходит на сердце твое, прежде чем перейдет то на язык твой, и найдешь. Что многое из сего таково, что ему гораздо лучше не исходить из уст твоих. Но при этом знай, что и из того, что высказать кажется тебе делом хорошим, иному гораздо лучше оставаться похороненным в гробе молчания. Об этом иной раз сам ты узнаешь тотчас по окончании беседы» [4, с. 154].

От слов своих оправдаешься, от слов своих осудишься. (Мф. 12; 37) Но оправдаться очень трудно. Брат Господень Иаков писал: «Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело.» Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) говорил в проповеди, которая была произнесена в 1945 году: «Задача обуздания языка настолько трудна, что многие подвижники совсем отказывались говорить и становились молчальниками.» [3, с. 217] И далее о значении сказанного слова: «Надо вам знать, что сила слова человеческого огромна. Ни одно слово, исходящее из уст человеческих, не теряется в пространстве бесследно. Оно всегда оставляет глубокий, неизгладимый след, оно живет среди нас и действует на сердца наши, ибо в слове содержится великая духовная энергия – или энергия любви и добра, или, напротив, богопротивная энергия зла. … Устами нечестивых разрушается град потому, что злая энергия безудержного языка, нечестивого и богохульного, проникает в сердца окружающих людей, заражает воздух духовный так, как воздух материальный заражается всякими миазмами. … А материальное благосостояние народа всегда тесно связано со здоровым и чистым состоянием души и сердца народа.» [3, с. 218]

Особо хочется отметить разрушающую энергию слова, сосредоточенную в инфернальной лексике. Выразим сомнение в сложившемся распространенном представлении о том, что лексика такого рода была широко распространена и активно использовалась носителями языка. Возникнув в период татаро-монгольского нашествия, имея в большинстве своем тюркские корни, которые и в тюркских языках выражали отрицательные значения, эта лексика была

создана не русскими людьми и представляла собой не что иное, как хулу против Богородицы, и входила в резкое противоречие с русским религиозным сознанием. Конечно же, отдельные факты употребления инфернальной лексики встречались, но не носили массового характера и находили активное противодействие со стороны властных структур. Так, в Запорожской Сечи тех, кто ругался матом, привязывали к позорному столбу и секли, даже если дело происходило во время походов. При царе Алексее Михайловиче вырывали язык у тех, кто осквернял уста грязным словом; за этот же проступок секли розгами и при Петре I, и при Александре I. Ответное движение неприятия грязного слова было и со стороны населения. Например, русские солдаты матом не ругались (об этом сохранилось большое количество воспоминаний участников раздичных сражений), ибо боялись того, что Пречистая отступится от них, что обернется неминуемой смертью в бою и погибелью души. Вновь прибывших на службу молодых солдат предостерегали от подобных действий.

А о том, что погибель души идет вслед за бранным словом, свидетельствуют слова апостола Павла: “Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь,: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодей, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники Царства Божия не наследуют” (1 Кор. 6, 9-10). И, конечно же, участь оказаться в этой компании страшила православный люд.

В настоящий момент мы видим, что все больше и больше набирает обороты процесс, когда наш народ, отказавшись от веры своих предков, утрачивает и представление о специфике нашей культуры и, не зная ее сути, полагает, что, кроме как классической литературой и балетом, мы более ничем не обогатили мировую цивилизацию. К сожалению, русский риторический идеал в настоящий момент активно вытесняется западным риторическим идеалом, предполагающим активную ориентированность на успех, для достижения которого используются различные способы и приемы, по сути своей являющиеся не чем иным, как манипуляцией собеседником и аудиторией. (Вспомним хотя бы ситуацию с многочисленными треннингами, проводимыми во всевозможных маркетинговых сетях.) Раздаются призывы чаще называть человека по имени, демонстрировать ему заинтересованность в нем лично и в его проблеме, различными вербальными и невербальными средствами показывать, как важен этот человек для нас. Вроде бы все правильно и понятно, вот только русские люди на протяжении веков были заинтересованы в своем собеседнике и искренне, во исполнение заповеди Спасителя, старались его любить, а не демонстрировать ему свою любовь, преподнося себя в наиболее выгодной позиции. И именно это свойство нашего народа утрачивается им сейчас, о чем свидетельствует, в частности, и смена речевого идеала. Мы перестаем быть русскими.

Итак, подведем итоги.

1. Русский речевой идеал отражал православное мировоззрение.

2. В нем прослеживалась четкая ориентированность на исполнение заповедей.

3. Предпочтение отдавалось молчанию, слушанию перед говорением.

4. Инфернальная лексика не имела широкого распространения.

5. Со способностью обуздывать свой язык связывалась и посмертная участь души.

6. В настоящий момент происходит смена речевого идеала.

Список литературы

1. Дунаев М.М. Православие и русская литература. В 6-ти частях. Ч. 3.

Издание второе, исправленное, дополненное. – М.: Храм Святой мученицы Татианы при МГУ, 2002.

2. Игумен Никон (Воробьев). Внимай себе: Сб. писем / Сост. А.И. Осипов. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010.

3. Ирзабеков В.Д. Русское солнце, или Новые тайны русского слова. – М.: Даниловский благовестник, 2011.

4. Никодим Святогорец, преподобный. Невидимая брань. – М.: Даниловский мужской монастырь, 2013.